

УДК 882.09

М.С. Чернова

**«...ЧТО СЧИТАТЬ ЗА ПРАВДУ»: В.Д. СПАСОВИЧ
И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ
«НЕЧАЕВСКОМ ДЕЛЕ»**

В статье анализируются выступления адвоката В.Д. Спасовича на политическом процессе по так называемому «нечаевскому делу» в июле 1871 г. Защитительные речи Спасовича впервые вводятся в литературоведческий обиход и исследуются в контексте историко-литературного процесса второй половины XIX в. Прослеживается взаимосвязь между оценками фигурантов данного судебного процесса Спасовичем и идеями и образами романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Обнаруживается идейная общность адвоката и писателя не только в точках соприкосновения, но и в точках отталкивания при их оценках нравственных ориентиров революционной молодежи и ее лидеров. Доказывается опосредованное влияние фантазий романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» через речь Спасовича на создание образа «беса» Петра Верховенского. Вносятся уточнения в комментарии к истории создания романа Достоевского.

В.Д. Спасовича (1829–1906) еще при жизни называли «королем русской адвокатуры». Знаменитый петербургский юрист, публицист, активный участник общественной жизни России, он до конца дней сохранил связь с Беларусью, о которой говорил, подчеркивая свою к ней принадлежность: «Моя родина, моя Литва, или Белая или Черная Русь, разные разны ее называют» [1, Т. 2, с. 270]. Спасович родился в г. Речица Минской губернии (ныне Гомельская область). Русский по отцу, поляк по матери, он был воспитан в уважении к национальным традициям Северо-Западного края, которые у него ассоциировались с польской историей и культурой.

В историю юриспруденции Спасович вошел как автор лучшего по тем временам и не утратившего значения в наши дни учебника по уголовному праву (1863). Он был одним из составителей Судебных уставов 1864 г., реформировавших систему судопроизводства России. Признанием его вклада в развитие судебно-правовых отношений стало учреждение Министерством юстиции Республики Беларусь в 2003 г. приза им. В.Д. Спасовича, которым ежегодно награждается лучший юрист нашей страны.

Сегодня защитительные речи Спасовича являются предметом исследования правоведов, историков, философов. Но значительную часть его творческого наследия составляют труды по истории русской, польской и западноевропейской литературы. К тому же он был постоянным сотрудником «Вестника Европы» и одно время даже возглавлял в этом журнале отдел критики и библиографии. Не случайно его защитительные речи отличала столь характерная для русской критики публицистичность: материалы конкретных уголовных дел служили ему поводом для постановки злободневных вопросов современности.

Особую известность получили выступления Спасовича на судебном процессе по так называемому «нечаевскому делу», где он четко сформулировал проблемы, актуальность которых первыми почувствовали и обозначили в своих произведениях писатели и публицисты: идейные искания молодого поколения и опасность наметившихся в освободительном движении конца 1860 – начала 1870-х гг. экстремистских тенденций. Они предупреждали, что «водворение нового порядка любыми средствами» на деле оборачивается «освобождением гильотиной» (А.И. Герцен), реализацией угрозы «Подди! Задавлю!» (М.Е. Салтыков-Щедрин) или уголовщиной, прикрытой революционной фразой (Ф.М. Достоевский). Тревоги своих выдающихся современников в полной мере разделял Спасович. Отдав в свое время дань романтике польского освободительного

движения, он стал отрицательно относиться к любому политическому экстремизму, результат которого всегда один: реакция, ликвидирующая достигнутые в стране демократические завоевания.

Авторы примечаний к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» рассматривают выступления Спасовича в суде над Нечаевым как один из источников информации, который использовал писатель в процессе работы над своим произведением. В данной статье предпринята первая попытка выявить взаимовлияние идей и образов романа Достоевского и социально-психологических портретов, представленных в защитительных речах Спасовича. Оно прослеживается не только в точках соприкосновения, но и в точках отталкивания при их оценках нравственных ориентиров молодежи и ее лидеров.

Демократическая беллетристика 1860-х гг. (Н.Г. Чернышевский в «Что делать?», В.А. Слепцов в «Трудных временах» и др.) создавала идеализированный образ борца за народное счастье. С другой стороны, авторы антинигилистических романов (В.В. Крестовский в «Панурговом стаде», А.Ф. Писемский во «Взбаламученном море», Н.С. Лесков в «Некуда» и, в особенности «На ножах») рисовали карикатурно-памфлетные фигуры доморощенных робеспьеров. На односторонность таких оценок революционеров не раз указывал Достоевский. А о романе Лескова (Стебницкого) «На ножах» он писал А.Н. Майкову: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества» [2, Т. 29, кн. 1, с. 172]. Достоевский оказался прав: в жизни эти персонажи были другими...

21 ноября 1869 г. пять членов тайной организации «Народная расправа» во главе с С.Г. Нечаевым убили студента Петровской земледельческой академии И.И. Иванова. Как выяснилось на предварительном следствии, поводом к убийству стало *предположение* Нечаева, что Иванов имел намерение донести властям на своих товарищей. Однако подлинную причину преступления назвал в своих показаниях И. Прыжов: «Иванов, отказываясь слушаться Нечаева, отвечал смехом на предложение представить деньги, которые он собрал, дразнил этим Нечаева, доводя его до бешенства, и отсюда произошло убийство [3, с. 248]. Иванов, таким образом, подписал себе смертный приговор, нарушив «общие правила» организации, составленные Нечаевым. Они требовали «исключать всякие прения, имеющие отношение к революционной цели», устранять «всякие вопросы от членов к организации», а полученные от сочувствующих денежные средства полагалось передавать в распоряжение руководящему комитету тайного общества, главой которого провозгласил себя Нечаев.

1 июля 1871 г. начался суд над молодыми людьми, так или иначе связанными с «Народной расправой». При этом материалы дознания об этой организации были соединены с уголовным делом об убийстве Иванова¹. По распоряжению Министерства юстиции стенографические отчеты о слушаниях «нечаевского дела» печатались в «Правительственном вестнике» (№№ 155-206, 1871), а благодаря средствам массовой информации тех лет их содержание становилось известно не только в России, но и за рубежом. Предавая гласности материалы суда, правительство преследовало цель морально дискредитировать людей, называвших себя революционерами.

¹ Процесс по делу «О заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России», получивший известность как «нечаевское дело», проходил в Санкт-Петербургской судебной палате с 1 июля по 28 августа 1871 г. Всего к суду были привлечены, по разным источникам, от 84 до 87 человек, которых разделили по тяжести инкриминируемого обвинения на четыре разряда. По первому разряду проходили соучастники убийства Иванова А. Кузнецов, Н. Николаев, И. Прыжов, П. Успенский и еще семь человек, не имевших прямого отношения к этому преступлению. Но Нечаева среди них не было: на этот раз ему удалось избежать ареста и скрыться за границей. Перед российским судом он предстал 8 января 1873 г.

Основательная подборка извлечений из газет, представленная Салтыковым-Щедриным в статье «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики» (сентябрь 1871 г.) дает представление о том, какой широкий общественный резонанс получил этот первый в России открытый политический процесс [4, т. 9, с. 191–224].

Спасович на этом процессе выступал в качестве адвоката А. Кузнецова, П. Ткачева, Е. Томиловой. Как и все присяжные поверенные, он старался приуменьшить долю вины своих подзащитных и вызвать сочувствие к ним членов суда и публики. Но, как подчеркнул А.Ф. Кони, заслуга Спасовича состояла в том, что ему «удалось в своей речи (в защиту Кузнецова – М.Ч.) подняться на вызываемую важностью дела высоту и охарактеризовать условия и среду, из которой выросли заговорщики» [5, с. 113]. Следует, однако, отметить, что Спасович не первым разглядел в поступках и характерах конкретных людей исторически, национально и социально обусловленное явление, которое они олицетворяли. Задолго до начала судебного процесса Достоевский задумал роман, в котором он намеревался вскрыть идеологические и этические причины появления в русской действительности Нечаева и нечаевцев. В письме к издателю «Русского вестника» М.Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г. он писал: «Одним из крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет. Да если бы и знал, не стал бы копировать» [2, Т. 29, Кн.1, с. 142].

Фабула романа, который Достоевский назвал «Бесы», была основана на реальных событиях, и живые люди служили прототипами его персонажей. Но писатель задумал это произведение как «вещь тенденциозную», в которой, «не заигрывая с молодым поколением», хотел «высказаться открыто» о значении идейных и нравственных ориентиров в жизни любого мыслящего человека.

«Русский вестник» начал печатать «Бесов» с февраля 1871 г. Готовясь к защите нечаевцев, Спасович, конечно, это произведение читал и озабоченность писателя идейными исканиями молодежи разделял. Но на вопрос о том, как уберечь ее от ложных кумиров и необдуманных поступков, он отвечал иначе, чем автор «Бесов».

В начале своего выступления Спасович напомнил присутствующим в зале суда, что именно в пору юношеского романтизма «неокрепшие умы» становятся жертвами разного рода теорий, сулящих «мир пересоздать и превратить в земной рай». Об этом сам адвокат знал не понаслышке: «Все мы были там, в социалистической стране», – признавался он [6, с. 255]. Необходимо уточнить, что «социалистической страной» Спасович называл утопические идеи, которые теоретически обосновывали возможность уничтожения мирового зла и восстановления попорченной социальной справедливости. В свое время этими идеями увлекались Герцен и Салтыков-Щедрин. Клялся посвятить свою жизнь борьбе за независимость Польши гимназист Спасович. В 1840-е гг. «страстно принял все учение» В.Г. Белинского Достоевский. Это привело его в кружок М. Петрашевского, а затем на каторгу... Поэтому Спасовича не удивляло, что «у молодого человека нашего века главное, первенствующее чувство, с которым он вступает в мир, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви к народу, чувство демократическое, желание идти в народ, сжиться с ним» [6, с. 254].

Интересно его рассуждение о том, что приводит русских юношей в лагерь сторонников социализма. Спасович считал, что их любовь к народу выражалась, ко всему прочему, в стремлении «докапываться до корня вещей, до сокровеннейшей подкладки» всех общественных отношений. В правильное русло это стремление могло направить знание законов философии, которые раскрывают закономерность социальных изменений. Но так исторически сложилось, что мировоззренческие вопросы в российской пе-

чати открыто не обсуждались. Спасович даже намекнул, что в недалеком прошлом (он имел в виду период царствования Николая I) само занятие философией было делом небезопасным. Следует добавить, что с 1850 г. было даже запрещено ее преподавание в университетах. Как заметил Н.А. Бердяев, «судьба философии в России мучительна и трагична. Философия постоянно подвергалась гонению и была на подозрении» [7, с. 92]. Это привело к тому, что ответы на вечные вопросы не могли дать ни государство, ни религия, ни наука, ни искусство. Поэтому молодые люди явились легкой добычей философского материализма и экономических учений, объясняющих все исторические процессы «противоположностями и борьбой, с одной стороны, капитала и собственности, с другой стороны, – труда». На основании этого Спасович делает вывод, что «русский молодой человек *по необходимости* (курсив мой – М.Ч.) делается социалистом». Но, спешит добавить адвокат, «русский социализм не заключает в себе ничего вредного» [6, с. 254–255]. В связи с этим Спасович предлагал противопоставить сконструированным идеалам здравый смысл и практическую деятельность, которую следует направить на решение насущных проблем: защиту свободы слова, совершенствование образования, соблюдение законности и норм судопроизводства и т.д.

В октябре 1872 г. в подготовительных материалах к роману «Бесы» Достоевский писал: «Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду» [2, т. 11, с. 303]. Делая эту запись, он вкладывал свой смысл в понятие «правды», которую должна уяснить молодежь.

Выступая на судебном процессе 1871 г., Спасович открыто поставил вопрос о необходимости либерализации страны. Достоевский же считал, что ни демократические свободы, ни европейский уровень образования сами по себе не смогут защитить молодых людей от влияния тлетворных идей. Согласно его историко-философской концепции появление нечаевщины, этой уродливой формы нигилизма, было обусловлено разрывом «образованного меньшинства» с «почвой», с русскими народными началами, и ориентацией на западные ценности. Нигилизм и западничество имели, по убеждению Достоевского, единый европейский корень. Но «кто теряет свой народ и народность, тот теряет веру отечество и Бога», – заметил он. В письме к Майкову от 9 (21) октября 1870 г. Достоевский назвал это состояние «болезнью, обуявшей цивилизованных русских», которая оказалась сродни состоянию евангельских бесноватых. «Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых и Серно-Соловьевичей и пр. Те потонули или потонут, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых», – писал он [2, т. 29, кн. 1, с. 145].

Однако надежды Достоевского на то, что обретение единственно возможного нравственного ориентира удержит молодых людей от политического экстремизма, не оправдались. В конце 70-х начале 80-х гг. XIX в. обострилось противостояние революционеров-террористов и правительства, а «взаимное пролитие крови» стало почти привычным фактом действительности. Достоевский еще раз попытался обратиться к молодежи: судьба Алеши Карамазова в романе «Братья Карамазовы» должна была подсказать, что «правда» не в ранней гибели во имя революции, а в «смиренном служении людям». События, которые пережила Россия в XX в., показали, что русский народ во все не был последовательным носителем идеала Христа. И не небесной красотой, а бесовской соблазнили в итоге соотечественники Достоевского, разрушая храмы, сжигая иконы и перечеркивая собственную историю.

Но следует, однако, признать, что, несмотря на все идеологические разногласия, «почвенник» Достоевский согласился бы с либералом Спасовичем, который писал в статье «Байрон и его предшественники» (1886 г.): «Стремление к какой-то отвлеченной, неопределенной свободе, страстная влюбленность в понятие, внутри пустое, лишенное всякого со-

держания, должно сменить сознание о том, что свободе предстоит осуществиться не в воздухе, но в отношениях между людьми, отношениях, регулируемых такими условиями, которые каждое общество вырабатывает себе потом и кровью в ежедневном, направленном к тому труде» [1, т. 2, с. 149].

Газеты, освещавшие «нечаевское дело», сходились в том, что фактически центральной фигурой этого процесса был отсутствующий Нечаев. На сегодняшний день имеется обширная литература, посвященная его биографии и деятельности¹. Но до сих пор историки не пришли к однозначному ответу на вопрос: кем же был Нечаев – героем-революционером или, как признавался его литературный двойник Петр Верховенский, «мошенником»?

Спасович назвал Нечаева «искусителем» Кузнецова и людей, подобных ему. Согласно Толковому словарю В.И. Даля, слово «искуситель» входит в синонимический ряд, раскрывающий смысл понятия «бес»: «злой дух», «сатана», «искуситель», «диавол» [8, т. 2, с. 52]. Возможно, что Спасович аттестовал Нечаева «искусителем» по ассоциации с названием романа Достоевского «Бесы». Исследователи даже считают, что сравнение Нечаева с Хлестаковым было сделано адвокатом под влиянием непрерывно лгущего, «хлестаковствующего» Петруши Верховенского, каким он предстает в начале романа.

Необходимо уточнить, что, приступая к работе, Достоевский, по собственному признанию, мыслит «Бесов» как роман-памфлет, героями которого будут нигилисты и западники. А на них, считал он, надо «поазартнее и поглубже» нападать: «нигилисты и западники требуют окончательной плети», – писал он Н.Н. Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г. [2, Т. 29, Кн. 1, с. 113]. Жанру романа, каким его поначалу задумал Достоевский, соответствовал образ Петра Верховенского – «мошенника» и политического честолюбца. В письме к М.Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г автор «Бесов» сообщал, что Петр Верховенский соответствует типу Нечаева. «Без сомнения, бесполезно выставить такого человека. Но он один не соблазнил бы меня. По-моему эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо выходит у меня комически» [2, т. 29, кн. 1, с. 141].

Однако Спасович нарисовал образ отнюдь не мелкого беса – «игреца», «шута», «шайтана» (Даль). В его речи Нечаев вырастает в фигуру демоническую, зловещую. Его «немилосердную ложь» адвокат представил как бред наяву, как бесовское наваждение: «Он задумал ... создать себе самому легенду, сделаться мучеником и прослыть таковым на всю землю русскую, ... вранье явилось в нем, по всей вероятности, потому что в плане его действительной была ложь как средство достижения известной цели» [6, с. 244].

Но в речи Спасовича Нечаев ассоциируется не с Петрушей Верховенским из первых глав «Бесов», а с другим персонажем – Угрюм-Бурчеевым, которого жители Глупова в романе Салтыкова-Щедрина «История одного города» «трепетными губами» шепотом называли «сатана».

Литературоведы в середине прошлого века отметили связь идей Нечаева с «систематическим бредом» бывшего профоса или, как он назван в романе, прохвоста², ставшего по воле случая градоначальником [9, 10]. Но Спасович обнаружил эту связь еще в 1871 г. «Ему (Угрюм-Бурчееву – М.Ч.) нет дела ни до каких результатов, – писал Салтыков-Щедрин, – потому что результаты эти выясняются не на нем ..., а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой связи На лице его не видно никаких восторгов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то невозмутимая уверенность,

¹ Государственные преступления в России в XIX в. – СПб., 1906. – Т.1; Нечаев и нечаевцы // Сборник документов. – М.-Л., 1931; Кантор Р.М. В погоне за Нечаевым. – Л.-М., 1925; Давыдов, Ю.Ф. Соломенная сторожка (две связки писем) – М., 1986; Лурье, Ф.М. Нечаев: создатель разрушения – М., 2001.

² «Профос» в толковании В.И. Даля – военный парашник, убирающий в лагере все нечистоты; встарь это были и военные полицейские, служители и полковые палачи. Впоследствии их стали называть прохвостами.

что все вопросы уже решены. Какие это вопросы? ... Может быть, это решенный вопрос о всеобщем истреблении...» [4, т. 8, с. 400].

Эту характеристику Угрюм-Бурчеева и описание изображенного на картине в глуповском храме сатаны, который «до того всякое естество в себе победил», что на страшные мучения «хладным и непонятливым оком взирать может», вполне мог использовать Спасович, рисуя образ Нечаева, не знавшего жалости ни к себе, ни к другим. «Этот страшный, роковой человек, где бы он ни останавливался, приносил заразу, смерть, уничтожение. Есть легенда, изображающая поветрие в виде женщины с кровавым платком. Где она появится, там люди мрут тысячами. Мне кажется, Нечаев совершенно походит на олицетворение этой моровой язвы» [6, с. 244, 246]. Реальный Нечаев безжалостно губил всех, кто так или иначе сталкивался с ним: был по его приказу убит Иванов, на разные сроки каторги и ссылки суд приговорил десятки молодых людей, причастных к «нечаевскому делу». Позже, в 1882 г., были сосланы в сибирские остроги распропагандированные Нечаевым простые солдаты – охранники Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, где он отбывал наказание.

Спасович соотнес поступки Нечаева с «Катехизисом революционера». Этот манифест освобождал членов тайной организации от всех моральных запретов: «Наше дело – страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение», – говорилось в нем. Соответственно, человеческую жизнь предписывалось ценить лишь как «часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение» [3, с. 247]. Почти дословно процитировав эти декларации, Спасович указал на то, что «Нечаев осуществлял на деле, по мере возможности, теорию катехизиса» [6, с. 249]. В Юбилейной речи 31 мая 1891 г. адвокат назовет методы борьбы Нечаева и его последователей «штатс-социализмом» и объяснит его опасность тем, что, «ставя ни во что единицы, он из них, как из глины, лепит разные формы, не считаясь с тем, что этот материал чувствует и страдает» [1, т. 9, с. 275].

Спасович представил Нечаева революционером, в личности и поступках которого соединились черты героя и злодея. Под влиянием этой оценки Достоевский решил усложнить образ Петра Верховенского. В октябре 1872 г. писатель сделал ряд набросков, из которых следует, что он хотел показать двойственность своего героя: «необыкновенный по уму человек», «обидчивость и невыдержанность характера» [2, т. 11, с. 303]. А в главе «Иван-Царевич» писатель придал ему дьявольские черты.

Авторы примечаний к роману Достоевского «Бесы» отмечали, что судебная хроника и в особенности речь Спасовича помогли писателю «дорисовать облик Верховенского, охарактеризовав его тактику «главного беса» и отношение его к товарищам по кружку» [2, т. 12, с. 265]. Однако в данном случае необходимо внести уточнение: сравнение Нечаева с сатаной, прозвучавшее в выступлении Спасовича, могло быть продиктовано образом Угрюм-Бурчеева. Поэтому правомерно сделать вывод, что благодаря речи Спасовича на окончательную характеристику Петра Верховенского оказали опосредованное влияние «фантазии» Салтыкова-Щедрина.

Нельзя не отметить, что после суда над Нечаевым, который состоялся 8 января 1873 г., отношение к нему Достоевского изменилось. Нечаев был арестован в Швейцарии в 1872 г. и выдан российским властям не как государственный преступник, а как человек, совершивший убийство. По нормам международного права на родине его могли судить только за то преступление, которое было наказуемо как в России, так и в Швейцарии, т.е. за убийство. Поэтому Нечаев пытался представить себя политическим эмигрантом, на которого не распространяются законы Российской империи. «Все формальности русского судопроизводства не имеют для меня никакого значения Рабом вашего деспота я быть перестал. Да здравствует Земский собор!» – кричал Нечаев, обращаясь к судьям. А во время выполнения обряда гражданской казни он прокричал с

эшафота: «Меня, политического преступника, сделали простым убийцей! Позор новому русскому суду, это не суд, а шулерство» [3, с. 261].

Такое поведение заставило многих забыть о совершенном Нечаевым «бессмысленном убийстве». Как заметил И.Л. Волгин, «ореол мученичества, окружавший государственных преступников, начал отбрасывать обратный свет на всю их деятельность» [11, с. 23]. Но Достоевский усмотрел в последнем слове Нечаева вовсе не акт мужества и нестигаемости, а банальную попытку избежать наказания. «... Никогда не мог представить себе, чтобы это было так несложно, так однолинейно глупо. ... Какая казенщина! <...> Ничего не мог себе представить неожиданнее. Какие восклицания, какой маленький-маленький гимназистик. «Да здравствует Земский собор, долой деспотизм!» Да неужели же он ничего не мог умнее придумать в своем положении», – писал Достоевский в черновых набросках к статье «Мечты и грезы» (1873) [2, т. 27, с. 312].

Эта запись свидетельствует о том, что для Достоевского Нечаев лишился ореола загадочности и дьявольской силы. Такие люди, как он и Петр Верховенский, ради «дела» были готовы, не задумываясь, пролить кровь. Не свою – чужую кровь. В последней рабочей тетради Достоевский еще раз подчеркнет, что ни террор, ни террористы не должны вызывать сочувствие: «Забыли, негодяи, что крепко-то не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он – закон крови на земле [2, т. 27, с. 46]. Безусловно, автор «Преступления и наказания» и «Бесов» разделял убеждение Спасовича, что «всякие и благородные дела, совершаемые во имя блага народа, никогда не цементируются невинной, напрасно пролитой кровью» [6, с. 264].

Выступления Спасовича на процессе по «нечаевскому делу» и роман Достоевского «Бесы» прозвучали в начале 1870-х гг. предупреждением, что отказ от общечеловеческих ценностей и попытка установить нормы революционной нравственности могут превратиться в фанатизм, который подменит мораль и право. Но опасения людей, которых с полным основанием можно назвать сейсмографами русской общественной жизни, не были услышаны. Нечаевская традиция уничтожения «особо вредных» лиц прослеживается во всей последующей истории революционного движения, а в XX в. реализация идей Нечаева в государственном масштабе стоила жизни миллионам граждан России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасович, В.Д. Собрание сочинений: в 10 т. / В.Д. Спасович. – СПб : Бр. Рымович, 1889–1902.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1989.
3. Ларин, А.М. Нечаев и нечаевцы / А.М. Ларин // Государственные преступления в России. XIX век. Взгляд через столетие. – Тула : Автограф, 2000. – С. 243–283.
4. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрания сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин – М. : Художественная литература, 1965–1977.
5. Кони, А.Ф. Собрания сочинений: в 8 т. / А.Ф. Кони. – М. : Юридическая литература, 1966–1969. – Т. 5. – С. 110–122.
6. Спасович, В.Д. Дело о государственном преступлении, так называемое, «нечаевское». Речь в защиту Алексея Кузнецова / В.Д. Спасович // Избранные труды и речи – Тула : Автограф, 2000. – С. 241–265.
7. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – №1. – С. 77–144
8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М : Русский язык. Медиа, 2003.

9. Борщевский, А. Щедрин и Достоевский / А. Борщевский. – М. : Гослитиздат, 1956. – 392 с.

10. Покусаев, Е. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина / Е. Покусаев. – М. : Гослитиздат, 1963. – 470 с.

11. Волгин, И. Последний год Достоевского / И. Волгин. – М. : Советский писатель, 1991. – 544 с.

Chernova M.S. «...What can be considered truth»: V.D. Spasovich and F.M. Dostoevsky about so-called «Nechaev's case»

In article the performances of barrister V.D. Spasovich on political process on so-called «Nechaev's case» in July 1871 are analyzed. Advocate speeches of Spasovich are entered for the first time in the history of literature and are investigated in a context of historical and literary process of the second half of XIX century. The connection between Spasovich's estimations of figurants of this case and ideas and images of the F.M.Dostoevsky's novel «Demons» is traced. The ideological community of the barrister and the writer not only in the points of contiguity, but in the points of pushing away is found out at their estimations of moral of revolutionary youth and its leaders. The mediated influence of the imaginations of M.E.Saltykov-Shedrin's novel «The History of one city» on a creation of an image demon Peter Verhovensky through Spasovich's speech is proved. Specifications are brought in the comments to the history of creation of the novel of Dostoevsky.

Матэрыял паступіў у рэдкалегію 4.01.2010